

УДК 327

Центральная Азия во внешней политике России: потери и возможности

Е. Г. Пономарева*, Г. А. Рудов**

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД РФ,

Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

**Дипломатическая академия МИД РФ,

Российская Федерация, 119021, Москва, ул. Остоженка, 53 / 2

Для цитирования: Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. Центральная Азия во внешней политике России: потери и возможности // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 / под ред. Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербур.ун-та, 2020. С. 465–483. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.31>

Регион Центральная Азия представляет сложный геополитический клубок противоречий и этнорелигиозный узел, сравнимый по степени влияния национальных и религиозных чувств на политическое развитие мировой системы с Балканами и Кавказом. Для России это зона особых интересов, в том числе в связи с проживанием в государствах Центральной Азии многочисленного русскоязычного населения. Однако Россия, укрепляя позиции в мире, теряет свой статус в центральноазиатском регионе. Для того чтобы вернуть или укрепить роль лидера в данных странах, необходимы новые подходы, форматы взаимодействия и, прежде всего, в социальной и гуманитарных сферах. В статье рассмотрены четыре группы проблем: причины мирополитической значимости стран региона, определяющее значение таких факторов развития, как экономика, ресурсы «мягкой силы» и религия.

Ключевые слова: мировая политика, Россия, Центральная Азия, «мягкая сила».

«Двадцатый век был веком Европы,
XXI век — это век Азии».

Сё Косуги

Геополитическое и геостратегическое значение Центральной Азии (ЦА) в мировой политике в целом и конкретно для России сложно переоценить. «На протяжении веков Россия сопряжена, “скована одной цепью” с ЦА. Наши предки это прекрасно понимали и рассматривали азиатское “подбрюшье” как буфер Российской

империи на юго-востоке» [1, с. 237]. В советский период из важного объекта внешнеполитических интересов регион стал составной частью сверхдержавы. В процессе разрушения СССР в его политико-географических пределах возникло пять новых центральноазиатских государств — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, вписанных до начала 1990 г. в единую политико-управленческую и социально-экономическую систему. В настоящее время страны имеют не только разный потенциал, но и отличаются по месту и роли в мировой политике.

Регион Центральная Азия представляет сложный геополитический клубок противоречий и этнорелигиозный узел, сравнимый по степени влияния национальных и религиозных чувств на политическое развитие мировой системы с Балканами и Кавказом. Особую значимость государства ЦА имеют для России в связи с проживающим в них многочисленным русскоязычным населением. Учитывая концепцию и стратегию Запада по дестабилизации и возможно-му дроблению государств ЦА «Большой Восток», особое внимание следует уделять не только отношениям между титульными нациями стран центральноазиатского региона (казахами, киргизами, таджиками, туркменами, узбеками) и русскоязычным населением, но и конфликтогенам в отношениях между диаспорами народов сопредельных стран.

России необходимо проводить особую внешнеполитическую стратегию, физически (прежде всего экономически и цивилизационно) присутствовать в регионе. Представители российских властных структур должны строить внешнюю политику, исходя из приоритетов стабильного развития стран региона, российских национальных интересов, безопасности и благополучия граждан. При всей идеологической и эмоциональной нагруженности проблематики современного этапа развития центральноазиатских государств для широкой общественности, для действующих политиков должно быть очевидным, что «рубить» узел противоречий, отсекал проблемные зоны, уходить из региона России нельзя. Необходимо кропотливо работать с политической и экономической элитами, использовать комплексный инструментарий «мягкой силы» в работе с различными социальными группами и слоями. Иными словами, медленно «развязывать» тугой узел противоречий. Объективные основания для успеха такой работы в регионе есть. Обозначим лишь некоторые из них.

Центральная Азия — особая зона мировой политики. Центральноазиатский регион в силу геополитического и геоэкономического положения является зоной столкновения интересов ведущих игроков мировой политики¹ [2; 3, с.215]. Борьба за влияние в ЦА уже давно приобрела многоуровневый характер. Первый уровень — борьба за укрепление позиций в регионе геополитических гигантов — России, США, Китайской Народной Республики, что не исключает возможности использования военно-политических и региональных блоков — Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), НАТО (англ. *North Atlantic Treaty Organization, NATO*), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Второй — региональный — между странами ЦА. Третий — конфликты между политическими группировками внутри среднеазиатских стран.

Но самое главное, на трех уровнях присутствуют интересы негосударственных игроков: банкстеров (институтов глобальной финансовой системы), транснациональных корпораций (ТНК), частных военных компаний, протогосударственных террористических образований, опирающихся в той или иной степени на названные структуры, международного криминала.

Реальность современного мира, находящегося в состоянии опасной турбулентности, требует от России серьезных усилий по сохранению влияния в традиционно значимом для страны регионе, конкретных предложений по формированию новой повестки дня, что находит выражение в поиске эффективных методов внешнеполитической деятельности. Реализация подхода подразумевает четкое определение национальных интересов России в регионе и целей внешнеполитической деятельности. Это, в свою очередь, требует проведения масштабного аудита ресурсов, методов и технологий влияния. На основе анализа можно сформулировать стратегию присутствия и обозначить образ действий для защиты и продвижения интересов в центральноазиатском регионе не только на современном этапе, но и на перспективу.

В Концепции внешней политики Российской Федерации (далее — Концепция ВП), утвержденной Президентом РФ 30 ноября 2016 г., в ряду задач, направленных на реализацию национальных интере-

---

¹ Центральная Азия на рубеже XX–XXI вв.: политика, экономика, безопасность: учеб. пособие / В.Д. Камынин, Е.В. Лазарева, М.В. Лапенко, А.В. Лямзин; науч. ред. В.И. Михайленко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 175 с.

сов, отмечена необходимость формирования «отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие устранению имеющихся очагов напряженности и конфликтов на их территориях и предотвращению возникновения таких очагов и конфликтов»².

Применительно к главной угрозе современного мира — терроризму и радикальным движениям — Российская Федерация стремится «к объединению всех государств, всего международного сообщества в целях борьбы с терроризмом без политизации и предварительных условий в соответствии с Уставом ООН, нормами и принципами международного права; уделяет приоритетное внимание международному сотрудничеству в сфере противодействия террористическим организациям и группировкам, в том числе путем применения военной силы». Россия выступает за активное и эффективное использование в борьбе возможностей институтов гражданского общества, включая научные и образовательные организации, бизнес-сообщества, религиозные объединения, неправительственные организации и средства массовой информации; исходит из того, что результативная борьба с терроризмом «не может вестись без ликвидации источников его финансирования» (Концепция ВП), но при этом «признавая, что терроризм невозможно победить только посредством военных и правоохранительных мер».

Поставленные задачи Россия не может решить без выстраивания отношений полного взаимопонимания, сотрудничества и даже сотворчества со странами Центральной Азии. Но прежде всего она должна четко осознавать и однозначно артикулировать, что ЦА — зона ее интересов.

Внешняя политика как концентрированное выражение экономики. Глобализация предполагает включение больших пространств в конкуренцию транснациональных игроков, которые тем не менее имеют национальную прописку.

Страны ЦА представляют огромный интерес с точки зрения ресурсной базы (природные ископаемые, земля, водные ресурсы, человеческий капитал) и позиции транзитных коридоров. Реализация масштабных экономических проектов формирует особый внешнеполитический климат. Не стоит ограничиваться крупными проектами, как делает российский бизнес. Огромное поле деятельности,

---

² Концепция внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

что опосредованно сказывается и на внешнеполитическом влиянии, представляют сегменты среднего и малого предпринимательства (речь идет о легкой промышленности, сельском хозяйстве и сфере услуг). Отсутствие тесных экономических связей и стратегических проектов серьезным образом ослабляет потенциал внешней политики. Реализуя интеграционные инициативы на всех уровнях, Россия может вернуть потерянное в конце XX в. влияние, вновь стать определяющим фактором политического развития региона.

Конкретное выражение положений Концепции ВП о приоритетном развитии сотрудничества с государствами — участниками СНГ должно выразиться в углублении и расширении интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что предполагает не только свободу передвижения капитала, товаров, услуг и рабочей силы, но всестороннее технологическое обновление и многоуровневую кооперацию в том числе в процессе создания совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов³.

Участие стран ЦА в ЕАЭС «открывает совершенно новые возможности не только регионального, но и глобального сотрудничества» [4, с. 78]. Нужно признать, что существующая неolibеральная модель экономики, имеющая главным приоритетом коммерческую выгоду и прибыль главным образом транснациональных гигантов, порождает в ряде случаев непреодолимые барьеры между коммерческими интересами ТНК и национальными интересами государства.

Если Россия действительно хочет сохранить суверенитет и в то же время построить эффективное интеграционное объединение, то необходимо провести ревизию внутренних ресурсов и трансформировать модель экономического развития стран. Ответить на вопросы: иностранные инвестиции, приватизация, оптимизация, следование требованиям Международного валютного фонда и Всемирного банка — благо или зло?

Одно дело — говорить о стремлении «укрепления Содружества в качестве влиятельной региональной организации, о развитии механизма многопланового сотрудничества в сфере экономики, гуманитарного взаимодействия, борьбы с традиционными и новыми вызовами и угрозами»⁴. Другое дело — практически работать

---

³ Подробнее: *Лапенко М. В.* ЕАЭС: пространство экономической интеграции: учеб-метод. материалы. 2018. № 8. М.: НП РСМД, 2018. 124 с.

⁴ Концепция внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

в этом направлении. Поэтому естественен вопрос о «потерянном» времени. Возможно, стоит начать с обновления документа, принятого в 1995 г. и подкорректированного в 2005 г., когда и Россия, и мир были другими. Речь идет о «Стратегическом курсе России с государствами — участниками СНГ», утвержденном указом Президента РФ № 940 14 сентября 1995 г. — по сути, в другую эпоху⁵.

Центральноазиатский вектор «мягкой силы» России: можно ли вернуть упущенное? Наставляя римских политиков, Квинт Туллий Цицерон писал: «Выражением и словами людей привлекают более, чем самим одолжением и делом» [5, с. 33]. Слова не утратили значение и актуальность. В современном высокотехнологичном и информационном мире «достучаться» до сознания общества невозможно без использования всего комплекса мягкосилового инструментария — «выражением и словами». Возрастающая конкуренция в политической, экономической и информационной сферах требует от России серьезных усилий по сохранению влияния в регионе, поиска эффективных методов внешнеполитической деятельности. Это подразумевает диверсификацию коммуникаций с различными общественными сегментами центральноазиатских стран, что невозможно без использования инструментария публичной дипломатии. И главное, сотрудничество, как и несотрудничество, приносит плоды. На вопросе мягкосилового влияния остановимся подробнее.

Образование следует рассматривать не только как способ самопрезентации принимающей страны, но и как возможность сформировать лояльные по отношению к ней устойчивые группы иностранных граждан. Будучи госсекретарем США, К. Пауэлл заметил: «Нет более ценного актива для нашей страны, чем дружба с будущими мировыми лидерами, получившими здесь (в США. — *Авт.*) свое образование» [6, р. 42]. Более 50 действующих и 165 бывших глав государств и правительств и руководителей международных организаций в свое время участвовали в различных образовательных программах США [7, с. 79]. Среди них президент Афганистана Х. Карзай, премьер-министр Болгарии П. Орешарский, президент Грузии М. Саакашвили, канцлер Германии Г. Шредер, генеральный секретарь ООН К. Аннан, верховный представитель по внешней политике и безопасности Евросоюза Х. Со-

---

⁵ Стратегический курс России с государствами — участниками СНГ. http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/427752.

лана, премьер-министр Индии И.Ганди, президент Египта А.Садат, президент Литвы Д.Грибаускайте и многие другие.

Российская империя, Советский Союз внесли существенный вклад в развитие системы образования и модернизации всех сфер жизни у народов Центральной Азии [8, с.188–197; 9, с.87–103; 10, с.52–57]. После распада СССР, пока Россия «сосредотачивалась», в регионе активно работали внешние игроки. Вот как выглядит картина по турецкому присутствию⁶ (см. табл.).

Таблица. Численность турецких учебных заведений в государствах ЦА и численность студентов из стран ЦА, обучающихся в турецких университетах

Страна	Турецкие учебные заведения (данные на 2012 г.)	Численность студентов, обучающихся в Турции, учебный год		
		1995/1996	2001/2002	2012/2013
Казахстан	28 школ и 2 университета	1064	897	964
Кыргызстан	21 школа и 2 университета	623	880	949
Таджикистан	8 школ	39	290	380
Туркменистан	до середины 2012 г. — 24 школы; в настоящее время — 2 школы и 1 университет	1614	1404	6192
Узбекистан	до 1999 г. — 25 школ	363	159	275

К этому следует добавить влияние Китая, западных стран и некоторых мусульманских. В 2007 г. в Казахстане на государственном уровне принята специальная программа «Триединство языков» — казахского, русского и английского (!)⁷. Однако, несмотря на при-

⁶ Хас К. Внешняя политика Турецкой Республики и Российской Федерации в Центральной Азии (сравнительный анализ). Дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2016. С. 208. <http://search.rsl.ru/ru/record/01006651948>.

⁷ Триединство языков. <http://strategy2050.kz/ru/book/post/id/74>.

нимаемые законы, активнее всего в странах ЦА работает Китай. На территории Казахстана Институты Конфуция действуют в Алматы (на базе Казахского национального университета им. аль-Фараби); в Астане (на базе Евразийского Национального университета), в Актобе (на базе Актюбинского регионального университета им. Жубанова) и Караганде (на базе Карагандинского технического университета)⁸.

Это лишь вершина айсберга по переформатированию сознания казахстанской молодежи. Заместитель премьер-министра Казахстана Дарига Назарбаева сказала на расширенной коллегии Министерства образования и науки Казахстана: «В недалеком будущем все равно нам всем нужно будет знать еще и китайский. Это наш великий южный сосед, это наша судьба»⁹.

Центры изучения китайского языка *Chinase.kz* располагаются в 17 крупнейших городах Казахстана. *Chinase.kz* работает с перспективными группами населения и это тысячи молодых людей. К этому следует отнести систему грантового обучения¹⁰. Аналогичная ситуация с китайской культурной и языковой экспансией имеет место в других странах ЦА. «Создание сети институтов Конфуция (далее — ИК. — *Авт.*) целиком контролируется государственными структурами. Создание институтов за рубежом происходит при непосредственном участии посольства КНР, причем такие инструкции даны всем советникам по культуре и образованию посольств КНР во всем мире» [11]. Программа создания ИК началась в 2004 г., причем изначально она была направлена на покрытие зоны бывшего советского влияния — на страны Центральной Азии, постсоветское пространство и Восточную Европу. Первый проект был реализован в июне 2004 г. в Узбекистане, после чего уже в ноябре был открыт институт Конфуция в Сеуле (Южная Корея). Затем ИК появились в США, Германии, Франции — всего более чем в 40 странах мира. В конце 2005 г. КНР приняла решение о создании системы ИК на всей территории России. В настоящее время в 162 странах работает 550 ИК и 1172 школы по изучению китайского языка (это мобиль-

---

⁸ Институты Конфуция в Казахстане. http://www.inform.kz/ru/4-instituta-konfuciya-v-kazahstane-obuchayut-kitayskomu-yazyku_a2724590.

⁹ Нам всем нужно знать китайский язык — Дарига Назарбаева. InformБЮРО. 5 февр. 2016. <https://informburo.kz/novosti/nam-vsem-nuzhno-znat-kitayskiy-yazyk-dariga-nazarbaeva.html>.

¹⁰ Обучение в Китае или курсы китайского языка. <http://chinese.kz>.

ные копии ИК)¹¹. За исключением Туркмении, Китай в гуманитарном смысле хорошо освоил центральноазиатский регион: в Казахстане — 4 ИК, в Киргизии — 15 (это рекордная цифра для такой небольшой страны), в Таджикистане — 1, в Узбекистане — 2 [12, с. 84–93]¹².

Для сравнения: главный российский институт мягкой силы — Россотрудничество, представлено в 81 стране мира 96 представительствами: 72 российских центра науки и культуры в 62 странах, 24 представителя Агентства в составе посольств в 22 странах¹³. При этом в Китае с почти полутора миллиардным населением действует всего один российский культурный центр — в Пекине¹⁴. Конечно, нельзя забывать о Русских центрах, работающих в 47 странах под эгидой Фонда «Русский мир». В Китае таковых 8. Но все равно это ничтожно мало по сравнению с 21 ИК, открытыми в нашей стране.

Русские центры есть и в странах ЦА. В Казахстане — 3 (при университетах в Актобе и Алматы и в Усть-Каменогорске); в Киргизии — 3 (при университетах в городах Бишкек и Ош и при областной библиотеке в г. Кант); в Таджикистане — 4 (все в Душанбе). В Узбекистане и Туркмении Русских центров нет¹⁵. Зато в Ташкенте активно работает Гете-институт. С 2000 г. немецкие языковые центры вместе с Гете-институтом активно пропагандируют немецкий язык и культуру в Казахстане и Киргизии: центры работают в Астане, Караганде, Костанаве, Павлодаре и Бишкеке. Центральный офис Института размещен в Алматы¹⁶.

На фоне китайской и западной гуманитарной экспансии открытие в декабре 2016 г. в Казахском национальном педагогическом университете им. Абая и в Кыргызско-славянском университете Центров партнерской сети «Институт Пушкина»¹⁷ прошло для широкой общественности почти незаметно. На базе Центров планиру-

---

¹¹ В мире работает 550 институтов Конфуция // РИА Новости. 10 дек. 2019. <https://ria.ru/20191210/1562217842.html>

¹² Confucius Institute Online. <http://www.chinesecio.com>.

¹³ О Россотрудничестве. <http://rs.gov.ru/%20/about>.

¹⁴ Российский культурный центр — в Пекине. <http://rs.gov.ru/%20/locations/83/contact/card>.

¹⁵ Каталог Русских центров. <http://www.ruskiymir.ru/rucenter/catalogue.php>.

¹⁶ Гете-институт. <https://www.goethe.de/ins/kz/ru/ueb/koo.html>.

¹⁷ Участники партнерской сети «Институт Пушкина». <https://partner.pushkininstitute.ru/index.php?id=6>; <https://partner.pushkininstitute.ru/index.php?id=7>.

ется организация курсов повышения квалификации для преподавателей-русистов, курсов преподавания русского языка для различных категорий обучающихся, в том числе посредством дистанционных технологий обучения и открытых образовательных ресурсов на русском языке.

В 2015 г. Президент России утвердил Концепцию «Русская школа за рубежом». Концепция определяет «цели и задачи государственной политики РФ в отношении общего образования на русском языке в международном образовательном пространстве; подходы к обеспечению доступа граждан России, иностранных граждан и лиц без гражданства к общему образованию на русском языке за рубежом; виды государственной поддержки образовательных организаций, осуществляющих преподавание на русском языке в зарубежных странах»¹⁸. Это стратегия, конкретных шагов пока не видно.

Что касается студентов, то правительство России выделяет ежегодную квоту на бесплатное обучение в том числе и соотечественников в размере 15 тыс. мест¹⁹. Очевидно, что этого явно недостаточно для расширения зоны влияния России путем подготовки национальных кадров как для стран ЦА, так и для всего евразийского пространства. Тем временем китайцы и представители иных внешних игроков реализуют древнекитайскую стратегию «хочешь победить врага — воспитай его детей».

Справедливости ради нужно сказать, что к нам едут те, кто готов и может платить за обучение. По данным Министерства образования, сейчас в России обучаются около 300 тыс. иностранцев²⁰, подавляющее большинство из которых приходится на граждан СНГ²¹.

В основном абитуриенты-иностранцы выбирают гуманитарный профиль, в частности, большой популярностью пользуются языковедение и литературоведение, но в то же время растет спрос и на

---

¹⁸ Концепция «Русская школа за рубежом». <http://www.kremlin.ru/acts/news/50643>.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 8 октября 2013 г. № 891 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». <https://rg.ru/2013/10/10/obuchenie-site-dok.html>.

²⁰ Оя Е. Борьба за место. <https://russian.rt.com/russia/article/424109-inostrancy-obuchenie-rossiya>. Для сравнения: в США учится свыше 800 тыс. иностранных студентов (в 1950-е годы эта цифра едва достигала 35 тыс.); в Великобритании — свыше 300 тыс.; в Австралии — около 150 тыс.

²¹ RUSSIA.STUDY — официальный сайт для отбора иностранных граждан на обучение в Российской Федерации.

технические специальности. Первое место в этом списке занимают выходцы из Казахстана, на втором месте — граждане Белоруссии, на третьем — Украина, на четвертом — представители Туркмении, на пятом — Узбекистана [10, с. 52–57]. Для усиления степени гуманитарного влияния необходимо развивать систему филиалов ведущих российских вузов в странах СНГ. Наличие представительства МГУ или МАДИ (причем не только в столице) должно стать нормой, а не исключением.

Религиозный фактор (дез)интеграции. Деидеологизация конца 1990-х годов, прокатившаяся по всему постсоветскому пространству, определила огромную роль религии в политических и социальных процессах. Причем в центральноазиатском регионе происходит не просто усиление влияния ислама на власть и общество, но превращение его во внешний вызов. Последнее в значительной степени связано с активностью мусульманских стран, которые всячески поощряют воспитание в исламском духе молодежи, привносят религиозную идеологию, щедро финансируют создание системы исламского образования и строительство мечетей. Имманентным аспектом исламизации является распространение религиозного радикализма: на территории стран ЦА давно ведут активную деятельность международные радикальные организации.

Религия может стать как великим объединителем, так и опасным конфликтогеном, причиной и условием разъединения. Поэтому не следует преувеличивать, но нельзя и умалять проблемы, связанные как с существенным расширением ареала распространения ислама, так и с формированием и активизацией на его платформе различных радикальных движений и сетевых террористических структур. Ислам как учение и политическая практика не един. Одна из самых общих и распространенных классификационных сеток делит ислам на политический (умеренный) и радикальный (экстремистский). В первом случае ислам используется в политических целях, является основой поэтапного реформирования политической системы той или иной страны. Представители радикального направления, выступая за возвращение к традиционным нормам Корана, могут использовать самые различные методы достижения этой цели, вплоть до открытых военных действий и актов терроризма.

Изучая ситуацию в регионе, важно помнить слова известного идеолога мусульманского мира Ю. Карзави: «В том исламе, который послал нам Аллах, политика является его неотъемлемой частью. Ис-

лам, который принес нам Пророк, не позволяет нам разделять человеческую жизнь, интеллект, талантливость между Богом и королем и не делает разницы между ними перед законами... Ислам без политики не ислам, если отделить политику от ислама, то это не ислам, а другая религия» [13, с. 42–43].

Очевидно, что проблемы, связанные с масштабами исламизации хорошо понимает политическое руководство стран ЦА. В то же время конкретных шагов по локализации и сдерживанию распространения в том числе радикального ислама практически не предпринимается. Более того, в целом ряде случаев именно политической властью создаются условия, благоприятствующие его распространению и укоренению.

В регионе сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, политическое руководство высказывает озабоченность возможностью проникновения радикальных исламских группировок из-за рубежа, прежде всего из Афганистана, но с другой — активно способствует развитию исламского самосознания собственного населения.

Так, развитие ислама в Казахстане — самой неисламизированной до недавнего времени республики ЦА — идет ускоренными темпами. Если до приобретения независимости количество мечетей во всем Казахстане составляло 68, то сегодня их уже более 2500, но и этого уже не хватает. Роль имамов в современном Казахстане возросла в разы. Имамы уже давно не ограничиваются исполнением религиозных ритуалов, а активно участвуют в общественной жизни, выступают с докладами на научных конференциях, широко представлены в информационном поле.

С 1991 г. при Духовном управлении мусульман Казахстана работает Высший исламский институт по подготовке имамов-хатыбов, а с 2001 г. на основе межправительственного соглашения между Казахстаном и Египтом работает Египетский университет исламской культуры «Нур-Мубарак» (в ноябре 2012 г. по инициативе египетской стороны университет был переименован в Казахско-египетский исламский университет «Нур»). В 2002 г. в стране по инициативе Верховного муфтия страны шейха Абсаттара-хаджи открылся Исламский институт повышения квалификации имамов Республики Казахстан [14, с. 60].

Как и в других странах ЦА, в Казахстане огромными тиражами публикуется религиозная исламская литература, которая, как пра-

вило, раздается бесплатно. Причем это не только Коран, хадисы Пророка, но и различные положения шариата. Активно работают несколько исламских издательских центров, а также издательств, занимающиеся публикацией журналов и газет на религиозную тематику. Тиражи тысячные.

В Казахстане с 2012 г. работает первый телевизионный канал исламского вещания «Асыл Арна», целью которого является «пропаганда истинных ценностей ислама, национальных традиций и общечеловеческих ценностей, основанных на мусульманской культуре и этике»²². В интернет-пространстве действует множество исламских сайтов. По инициативе правительства Казахстана был создан Фонд поддержки исламского образования и науки. В его задачи входит издание и бесплатное распространение религиозной литературы, оказание финансовой поддержки исламским студентам в форме оплаты их обучения и выплаты стипендий.

Надо отметить, что в Казахстане, как в Таджикистане и Узбекистане, государство поддерживает именно ханафитский ислам. Поэтому особое внимание на современном этапе уделяется популяризации трудов ханафитских богословов.

Впервые в истории Казахстана подготовлен государственный стандарт по специальности «Исламоведение». Данная специальность с июня 2011 г. официально введена в классификатор специальностей высшего и послевузовского образования Казахстана. Как полагают казахстанские власти, такой подход к исламу позволит на идеологическом уровне предотвратить и нейтрализовать причины, порождающие проявления религиозного радикализма. В тоже время именно за исламской религией в Казахстане признается «всевозрастающая роль в деле консолидации общества»²³, что невозможно без активной поддержки политической власти.

Если же вернуться к роли в подготовке исламоориентированных кадров (вспомним известную фразу — «кадры решают все») университетом «Нур», то осенью 2012 г. на его базе были открыты три новых факультета: «Основы религии и исламское проповедование», «Шариат» и «Арабская филология и исламская цивилизация». С по-

---

²² Заместитель муфтия Республики Казахстан Мухаммад-Хусейн хаджи Алсабеков // Ислам в СНГ. 2012. № 4. <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?5188>.

²³ Выступление Мухаммада-Хусейна хаджи Алсабекова на VIII Мусульманском форуме «Консолидация мусульманского сообщества стран СНГ: достижения и цели» 27 ноября 2012 г. в Москве. <http://dumrf.ru/dumer/speeches/5492>.

явлением факультета «Шариат» студенты будут более глубоко изучать исламское законодательство. Больше внимания будет уделено проповедям²⁴. На наш взгляд, столь пристальное внимание к шариату на самом деле является подготовкой к переходу от светского законодательства к «правильному пути и образу действия» — так дословно переводится на русский язык понятие «шариат».

На наш взгляд, в ближайшем будущем все страны ЦА ожидает настоящее исламское пробуждение, которое в значительной степени готовится политикой государственных структур региона, активно поддерживающих и развивающих религиозное образование и создающих благоприятные условия для расширения роли и влияния мусульманских общин. В этой связи обсуждение вопросов о месте и роли ислама в политической системе, о масштабах и перспективах его влияния на население региона приобретают архиважное значение.

Отмечая увеличение масштабов влияния ислама в странах ЦА, не следует забывать, что этот процесс связан не только с активной миссионерской деятельностью имамов и различных исламских институтов. Интерес к исламу среди различных социальных слоев связан с падением авторитета светской власти, с ее коррумпированностью и клановостью, с общей деградацией политических систем и режимов стран региона.

Иными словами, уже в ближайшем будущем ислам, а именно шариат, может стать не только определяющей и доминирующей ценностной и мировоззренческой доктриной для населения центральноазиатских стран, но и стать источником права. Такое положение вещей обязательно отразится не только на внешней политике нашей страны в регионе, но может полностью изменить его политическую картину. Что в таких условиях может предложить Россия народам и политическим режимам региона — сложный и требующий стратегического видения вопрос.

* * *

Учитывая все вышесказанное, вывод может быть только один — России необходимо срочно искать инновационные методы работы для сохранения и укрепления стратегического партнерства в торго-

---

²⁴ Шамшадин Керим: «Мы готовим специалистов в области ханафитского ислама» // Ислам в СНГ. 2012. № 4. <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?5198>.

во-экономической и культурно-гуманитарных сферах, что реально сделать, лишь объединив усилия эффективных государственных и гражданских институтов. Что в современных условиях может предложить Россия?

- Новые форматы межрегионального сотрудничества, и прежде всего речь идет о приграничных регионах. На 2019 г. уже установлены связи 76 субъектов с Казахстаном, 71 — с Киргизией, 80 — с Таджикистаном, 60 — с Туркменистаном, 75 — с Узбекистаном²⁵. Наряду с сохранением традиционных форм сотрудничества (привлечение прямых иностранных инвестиций для реализации проектов на своей территории, экспорт товаров местного производства) необходимо взаимодействовать в социальной и гуманитарных сферах.
- Развитие инфраструктурных проектов. Необходимо помнить, что за лидерство в Центральной Азии борется Китай и тактика его преимущественно экономическая: создаются совместные предприятия с китайским капиталом, большая часть прямых инвестиций приходится на КНР. Концепция «Шелкового пути» предполагает реализацию масштабных инфраструктурных проектов, поэтому Россия может предлагать собственные проекты и инвестировать в них.
- Активизация информационного присутствия в регионе посредством увеличения новостного вещания; создание на местных традиционных информплощадках своих «кусочков» контента (речь идет о приложениях, рубриках, программах).
- Использование сети Интернет для работы с молодежью.
- Усиление взаимодействия с журналистским корпусом стран региона как посредством обмена информацией, так и за счет расширения личных контактов.
- Расширение образовательной базы. Для этого следует использовать не только традиционные формы обучения, но и создавать «сетевситеты», открывать филиалы ведущих российских вузов в странах СНГ, а также увеличивать квоты и гранты на обучение иностранных граждан в России. В российских вузах обучается 172 тыс. студентов из стран региона, в том числе 59 тыс. за счет федерального бюджета. В ЦА функцио-

---

²⁵ Россия и Центральная Азия // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. <https://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>

нируют представительства и филиалы ведущих российских вузов: МГУ им. М. В. Ломоносова, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Московский авиационный институт, Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Национальный исследовательский университет «МЭИ» и др. В мае 2019 г. в Узбекистане открыт первый на пространстве СНГ филиал МГИМО (У) МИД России. Работают совместные высшие учебные заведения в Киргизии и Таджикистане²⁶.

- Увеличение присутствия в регионе российских неправительственных организаций (НПО), центров культуры и изучения русского языка, а также поддержка инициатив региональных пророссийских НПО, в том числе финансовая²⁷.

В заключение еще раз подчеркнем необходимость системного и комплексного использования методов и технологий «мягкой силы» во всех ее проявлениях, включая экономику, образование, науку, культуру. Только в этом случае мощный интеграционный ресурс сотрудничества России и стран ЦА, заложенный историей и политикой, культурой и демографией, станет реальной и действенной кооперационной силой.

Литература

1. Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. М.: Канон+, 2016. 312 с.
2. Чжоу Цзюнь. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование. 2017. № 3 (99). С. 164–171.
3. Немчинова Т. С., Музалёв А. А., Говоркова А. Взаимодействие ключевых геополитических игроков в Центральной Азии: конкурентный выбор или историческая данность? // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 8: сб. статей / под ред. В. С. Ягья, Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. 296 с. С. 213–224.

---

²⁶ Россия и Центральная Азия // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. <https://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>.

²⁷ Например, на «поддержку доступа к информации НПО в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане» Агентство США по международному развитию в конце 2014 г. выделило дополнительно 3,8 млн долл. Указанный проект в течение последних трех лет осуществляла Internews Network, действующая с 1982 г. из штаб-квартиры в г. Арката (Калифорния, США).

4. Ягья В. С., Пономарева Е. Г. Научное сотрудничество — форма и метод публичной дипломатии // *Обозреватель*. 2015. № 8 (307). С. 69–82.
5. Цицерон К. Т. Краткое наставление по соисканию консульства. Письма. В 3 т. Т. 1. М.: Ладомир, 1994. 504 с.
6. Nye J. S. Soft Power and Higher Education // *The Internet and the University*. <https://net.educause.edu/ir/library/pdf/ffpiu043.pdf>.
7. Кубышкин А. И., Цветкова Н. А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. 271 с.
8. Соболев В. Г. «Мусульманский вопрос» в Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) (по материалам Российского Государственно-го Исторического Архива) // *Клио*. 2015. № 3 (99). С. 188–197.
9. Соболев В. Г. Русско-туземные школы Туркестана: в поисках «обручительной политики» // *Клио*. 2015. № 2 (98). С. 87–103.
10. Немчинова Т. С., Музалёв А. А. Экспорт образования как инструмент интеграции стран-участников Евразийского Экономического Союза // *Евразийский юридический журнал*. 2016. № 1 (92). С. 52–57.
11. Гао В. Институты Конфуция в мире. <http://human.snauka.ru/2015/06/11485>.
12. Ягья В. С., Минфу Л. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке // *Международная жизнь*. 2015. № 7. С. 84–93.
13. Усмон Д. Исламский фактор в политических процессах России и стран Центральной Азии. М.: Издатель Воробьев, 2009. 180 с.
14. Рудов Г. А. Ислам в Центральной Азии: масштабы и перспективы влияния // *Обозреватель*. 2014. № 6 (293). С. 57–66.

Контактная информация:

Пonomарева Елена Георгиевна — д-р полит. наук, проф.; nastya304@mail.ru
Рудов Георгий Алексеевич — канд. филос. наук, д-р полит. наук, профессор,
Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации

Central Asia in Russian Foreign Policy: Losses and Opportunities

Elena G. Ponomareva

*Moscow State Institute of International Relations (University) of
the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation,
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russian Federation*

Georgii A. Rudov

*Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
53/2, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russian Federation*

For citation: Ponomareva E. G., Rudov G. A. Central Asia in Russian Foreign Policy: Losses and Opportunities. *Digest of World Politics*, vol. 10, ed. by T. S. Nemchinova, St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2020, pp. 465–483. <https://doi.org/10.21638/11701/26868318.31> (In Russian)

The Central Asia region is a complex geopolitical tangle of contradictions and an ethno-religious knot, comparable in the degree of influence of national and religious feelings on the political development of the world system with the Balkans and the Caucasus. For Russia, this is a zone of special interests, including in connection with the residence of a large Russian-speaking population in the Central Asian states. However, while strengthening its position in the world, Russia is losing its status in the Central Asian region. In order to return or strengthen the role of a leader in these countries, new approaches, formats of interaction are needed, and, above all, in the social and humanitarian spheres. The article examines four groups of problems: the reasons for the world-political importance of the countries of the region, the determining importance of such development factors as the economy, resources of *soft power* and religion.

Keywords: world politics, Russia, Central Asia, *soft power*.

References

1. Ponomareva E. G., Rudov G. A. “*Domino Principle*”: *World Politics at the Turn of the Century*. Moscow, Kanon+ Publ., 2016. 312 p. (In Russian)
2. Zhou Jun. The Value of the Central Asian States in World Politics, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2017, no. 3 (99), pp. 164–171. (In Russian)
3. Nemchinova T. S., Muzalyov A. A., Govorkova A. Interaction of Key Geopolitical Players in Central Asia: Competitive Choice or Historical Reality? *Aktual'nye problemy mirovoj politiki v XXI v.*, iss. 8: Sb. statei. Ed. V. S. Yag'ya. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2016. 296 p., pp. 213–224. (In Russian)
4. Yag'ya V. S., Ponomareva E. G. Scientific Cooperation — the Form and Method of Public Diplomacy. *Obozrevatel'*, 2015, no. 8 (307), pp. 69–82. (In Russian)
5. Cicero K. T. *A Brief guide to applying for the Consulate. Letters*. V 3 tt. Vol. 1, Moscow, Ladomir Publ., 1994. 504 p. (In Russian)
6. Nye J. S. *Soft Power and Higher Education*. The Internet and the University. <https://net.educause.edu/ir/library/pdf/ffpiu043.pdf>.
7. Kubyshev A. I., Czvetkova N. A. *U.S. Public Diplomacy*. Moscow, Aspekt Press, 2013. 271 p. (In Russian)
8. Sobolev V. G. The “Muslim Question” in the Russian Empire during the First World War period of 1914–1916, *Klio*, 2015, no. 3 (99), pp. 188–197. (In Russian)
9. Sobolev V. G. Russian Schools for Indigenous Population in Turkestan: in Search of «Obrusenie», *Klio*, 2015, no. 2 (98), pp. 87–103. (In Russian)
10. Nemchinova T. S., Muzalyov A. A. Export Education as a Tool for Integration of Countries of Eurasian Economic. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, 2016, no. 1 (92), pp. 52–57. (In Russian)
11. Gao V. *Confutius Institutes in the World*. <http://human.snauka.ru/2015/06/11485>. (In Russian)
12. Yagya V. S., Minfu L. Confucius Institute as a Factor of “Soft Power” in China’s Foreign Policy in the XXI century, *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2015, no. 7, pp. 84–93. (In Russian)

13. Usmon D. *The Islamic factor in the political processes of Russia and Central Asia*. Moscow, Vorob'ev Publ., 2009. 180 p. (In Russian)
14. Rudov G. A. Islam in Central Asia: scopes and prospects of influence. *Obozrevatel*, 2014, no. 6 (293), pp. 57–66. (In Russian)

Author's information:

Elena G. Ponomareva — Dr. Sci. in Politology, Professor; nastya304@mail.ru

Georgij A. Rudov — PhD Sci. in Philosophy, Dr. Sci. in Politology, Professor;

Ambassador extraordinary and plenipotentiary of the Russian Federation